

ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ И ПРОЦЕССЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК ЧАСТИ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Урманбетова Ж. К. (Бишкек, Кыргызстан)

Аннотация: Основные тенденции развития XXI века находят свое проявление в сосуществовании двух противоположных и в то же время взаимозависимых направлений движения человечества: глобализации как вехи современной эпохи и процессов идентификации, которые переживают практически все регионы мира и отдельные народы и государства, в частности. В этой связи интересен взгляд на ситуацию в Центральной Азии, являющейся органичной частью Евразийского пространства, в первую очередь с философской точки зрения. В таком рассмотрении важное значение имеет понятие региональной идентичности: насколько она развита в современной Центральной Азии. В настоящем государстве Центральной Азии проживают свой третий десяток суверенного развития. Одновременно до настоящего времени региональную идентичность данного региона определяли внешние игроки. На это имеются как объективные, так и субъективные причины. Вместе с тем такая ситуация в регионе испытывает государства на прочность, выявляя некий диссонанс между преподносимыми концепциями и реальными идентификационными процессами.

Ключевые слова: идентификация, глобализация, Евразия, Центральная Азия, вызовы истории, регион, государство, ценности, диалог.

CHALLENGES OF MODERNITY AND IDENTIFICATION PROCESSES IN THE CENTRAL ASIA REGION AS A PART OF THE EURASIAN SPACE

Urmanbetova Zh, K. (Bishkek, Kyrgyzstan)

Abstract: The main trends in the development of the XXI century find their manifestation in the coexistence of two opposite and interdependent directions of human movement: globalization as the mark of contemporary era and identification processes that are experienced by almost all regions of the world and individual peoples and states, in particular. In this regard, it is interesting to analyze the situation in Central Asia, which is an organic part of the Eurasian space, primarily from a philosophical point of view. In this consideration, the concept of regional identity is important: how developed it is in modern

Central Asia. In the present, the states of Central Asia are living their third decade of sovereign development. At the same time, until now, the regional identity of this region has been determined by external players. There are both objective and subjective reasons for this. At the same time, this situation in the region is testing states' strength, revealing a certain dissonance between the presented concepts and real identification processes.

Keywords: *identification, globalization, Eurasia, Central Asia, challenges of history, region, state, values, dialogue.*

Введение. История развития человечества интересна тем, что в каждую эпоху на повестку дня выдвигаются наиболее значимые идеи, в совокупности представляющую парадигму этой эпохи, которая сродни образу мышления этого определенного периода истории. Чем значительна парадигма? Тем, что она позволяет сформулировать тенденции, предопределяющие вектор большинства социальных, культурных, политических, экономических процессов развития человечества. Получается, что парадигма в синтезированном виде представляет некую модель развития человека и человечества, концепцию мира и личности на определенный период истории. В обыденной жизни вряд ли кто с особым пристрастием задумывается о парадигме, людям некогда погружаться в высокие абстракции, их захватывает жизнь повседневности. Однако парадигмы в науке и философии занимают особое место, способствуя исследованиям выяснения сути и специфики развития целой эпохи. В этом отношении парадигма в итоге находит свое преломление в реальной жизни, направляя человека в постижении этого мира.

Вместе с тем, знание парадигмы эпохи и понимание ее свойств позволяет быть в ногу со временем, с той исторической эпохой, в которой живешь. Так, в истории человечества статусом парадигмы были отмечены пайдейя (воспитание как сочетание образованности, культурности, воспитанности) в античном обществе, вера в период средневековья, гуманизм в эпоху Возрождения, наука в период Нового времени, рационализм и прагматизм в эпоху модерна. А что же сейчас: какова парадигма современного периода развития, парадигма постмодерна? Что объединяет мир и есть ли такая объединительная сила? Через множество рассуждений, противоречий и дискуссий в определении парадигмы постмодерна основной канвой проходит феномен

диалога как объединительного начала мира и человека в эпоху современности. Это время, когда первостепенное значение в понимании мира имеет соотношение человека с человеком, в отличие от прежде существующих параллелей человек – природа и человек – машина. Именно поэтому в качестве парадигмы развития заговорили о глобальном полицентризме. Что это означает? Что единство универсальных ценностей глобализации в качестве обратной реакции привело к процессам дифференциации (дробления) внутри мира, народов, обществ, государств. Процесс дробления предопределил актуализацию проблем идентификации. Возможно, именно поэтому диалог и стал парадигмой исторической эпохи в целях сохранения единства этого огромного и одновременно многообразного мира.

Современную эпоху имеет смысл рассмотреть в контексте вызовов истории и ответов систем культуры, народов и государств. В этом случае наиболее ярко проявляются основные проблемы и противоречия, как мирового развития, так и развития отдельных регионов и государств. В этой связи в качестве наиболее актуального понятия эпохи, фигурирующего на уровне феномена и проецирующего все изменения и метаморфозы развития, следует назвать культуру. Именно культура в настоящем определяет контекст изменения мира, начиная от конфликтных ситуаций и до формирования нового уровня отношений. Философия, формируя парадигмы эпохи, с необходимостью проявляет акценты в понимании мира и человека. Соответственно философия современности не может не затрагивать проблемы трансформации культуры из поколения в поколение.

Диалог как парадигма современной эпохи. Развитие человечества, или так называемое глобальное развитие в настоящее время необходимо рассматривать, прежде всего, в контексте культуры, о чем в свое время отмечали многие умы, включая С. Хантингтона, В. С. Библера и многих других представителей философской науки. «В этом новом мире наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации» [1, с.25], - данное изречение С. Хантингтона подчеркивает тот факт, что культура в современной реальности являет собой эпицентр бытия, где пересекаются проблемы и противоречия эпохи. В. С. Библер

акцентирует внимание на приоритет диалога культур, несмотря на стремление каждой культуры доминировать в бытии других: «...смыслы различных культур осознаются в XX веке не как высшие и лучшие смыслы; каждая из них с правом претендует на всеобщность, единственность, вершинность, хотя в нашем современном сознании они имеют смысл только в отношении друг к другу» [2, с. 373]. О.Тоффлер, описывая в своих работах изменения, происходящие в последней трети XX столетия, утверждает, что «во все большей степени люди осознают, что вокруг нас формируется новая культура. И дело не только в компьютерах... Это новые установки по отношению к труду, полу, нации, досугу, авторитетам...» [3, с. 286]. В данном случае речь идет о культуре постмодерна. Культура есть детерминанта развития отдельных народов, государств, систем цивилизаций, именно поэтому она предвосхищает изменения эпохи. Принцип культурного многообразия, выступивший вперед в конце XX столетия, по своей сути, есть и вызов, и угроза. В этом заключается диалектика истории. В связи с этим все более актуализируется гуманитарная составляющая, а значит, роль философии начинает возрастать. Философское осмысление проблем культуры, противоречий современной эпохи позволит определить акценты в понимании мира и человека.

В связи с тем, что в XX веке онтологическое единство мира было разрушено, многие понятия философии потеряли свой высокий статус и стали рассматриваться в качестве многовариантных смыслов. Так, вместо разума человеческого как такового, на первый план стал выдвигаться политический разум. Соответственно жизнь в бытии других стала преподноситься как необходимость со-отнесения с другими политическими разумами. В связи с этим феномен диалога приобрел форму парадигмы эпохи. При этом диалог стал преподноситься как межкультурный, межрелигиозный, межличностный, межгосударственный. Это стало веянием практической реальности.

Диалог неслучайно предстает парадигмой нашего века, поскольку в эпоху разрушения пространственных границ, в эпоху постмодерна, в эпоху относительности единства и различий именно диалог способен привести к прозрению в понимании сущности жизни и существа различных систем (этнических, культурных, религиозных, социальных, политических). В эпоху,

когда утрачены безусловные ценности истины, добра и справедливости только диалог может спасти от катастроф, краха и ненужной суеты. Но для этого необходим глобальный взгляд на саму жизнь, историю, человечество, требующий проникновения в нарождающиеся тенденции развития. Причем надо отметить, что само понимание диалога (в интерпретациях М. Бахтина, В. Библера, Ю. Лотмана) в первой половине XX века исходило из осознания стабильного существования человека и человечества. Современное же понимание должно исходить из конфликтного (противоречивого) существования, как того диктует современная эпоха. Возможно поэтому, несмотря на культивирование идеи диалога, не уменьшаются, а порой и усиливаются процессы насилия, исходящие из противопоставления этнических и религиозных сообществ. Именно поэтому источником конфликтов в современном мире выступают культурные различия (в первую очередь этнические и религиозные как доминанты современной эпохи в соотношении «человек – человек». Все проблемы, конфликты, противоречия сегодняшнего мира проистекают из многозначности этого соотношения.

По образному выражению С. Хантингтона, XX век – был веком идеологических конфликтов. И действительно, именно борьба идеологий в прошедшем веке привела к современному раскладу сил; доминирующие идеологические концепты пришли к своей развязке. Социокультурный взрыв конца XX столетия определил место и роль государств в мировой политике. Идеологический коллапс обусловил распад некогда мощного государства Советский Союз, играющего роль великой империи, объединяющей многие геополитические единицы. Идеологическая напряженность, достигнув своего пика, получила историческую развязку, что и стало основанием современного витка развития мира. Все более чем логично, в русле общественных закономерностей, определивших ход истории нескольких столетий.

XXI век только начал набирать обороты, соответственно о результатах культурного развития говорить пока не приходится. Напротив, имеет смысл определить, какие концепты, по логике вещей, предопределяют развитие нового столетия. В контексте развития современности на первый план выступили идеи, зарождение которых происходило в конце прошлого века. Эти идеи разнятся с основной логикой эпохи прошлого столетия. В XXI веке

идеология еще не успела занять свою высоту, да и вряд ли она сумеет также выстрелить, как это было в минувшем столетии. В новом веке идентификация идет преимущественно через культуру и религию, роль и статус национальных государств не потеряли свою силу, но все же они несколько другие. Так происходит и в больших государствах: к примеру, неслучайно Америка начала копаться в своей истории, вопрошая кто же они, и искать пути для определения прежде стабильной национальной идентичности, которую существенно подкосил принцип культурного многообразия, взлетевший в девяностые годы до уровня государственной политики. Россия в своей новейшей истории усиленно искала и, кажется, нащупала свой концепт, евразийский, для обозначения своей уникальности, и соответственно предназначенности играть роль на континенте. Китай, единственный из прежде осевых культур сумел диагностировать точки для возрождения.

Так происходит и в малых государствах, каковым выступает и Кыргызстан. Для обретения национальной идентичности, для формирования системности развития необходима ясность в определении базы – культурных символов, символов государственного бытия. Хаотичное наслоение элементов культуры, начиная от кочевого архетипа, существующего на уровне подсознания; укрепившихся в сознании параметров идеологических критериев культуры социалистического бытия; противоречивого хаоса в обозначении культуры суверенного периода не привело пока к определенности. Стержневая культура, долженствующая стать объединяющим началом, должна стать рафинированной системой синтеза традиционных и современных ценностей. Культура, в том числе грамотно выстроенная традиционная культура, создает необходимую группу комфорта, заполняющую духовное пространство ее членов.

Если же вернуться к характеристике эпох и веков, то можно сказать, что был век идеологий, стал век культур. Это одновременно и шанс обрести свое я для национального государства, базирующегося на своей стержневой культуре, и возможность кануть в лету истории. Как говорилось выше, принцип культурного многообразия, выступивший вперед в конце XX столетия, по своей сути, есть и вызов, и угроза. В этом заключается диалектика истории. Век двадцатый раскрыл силу

идеологии, на основе которой были сформированы мировые империи. Вместе с тем именно тот факт, что эти империи были основаны на единстве и силе идеологии, а не реальном единстве культуры, привел к тому, что такие империи и распались очень быстро (одна прекратила свое существование, другая потеряла свое кредо). Идеология была мощным инструментом единения государства как элемента политического бытия исторической эпохи, особенно полиэтнического. Она позволяла превратить государство в империю как доминанту мировой политики. Однако в каждом феномене есть две стороны – сильная и слабая. Если сильная сторона идеологии способствовала формированию империи, то слабая сторона заключалась в том, что ослабление идеологии стремительным образом способствовало распаду государства. Так было с СССР – некогда мощная идеология превратила государство в одну из двух мировых держав, игравших первую скрипку в мире. Развал идеологии также быстро привел к неминуемой гибели столь внушительной империи. США также быстро сумели стать одним из центров мировой политики благодаря американскому кредо – краеугольному основанию победоносной идеологии. Однако несмотря на победу в идеологической борьбе двух сверхдержав, потеря того самого американского кредо привела к победе идеи культурного многообразия, способствующей постепенному разрушению национальной идентичности государства, начавшего сталкиваться с существенными проблемами к концу XX века.

Рубеж веков выравнивает большие и малые государства. В этом парадокс истории. Тем и интересен XXI век, который с понижением статуса идеологии дает шанс государствам с сильной стержневой культурой вырваться вперед, несмотря на малый объем государства. Этим интересен XXI век – век стремительного взлета культурной составляющей. Если стержневая культура государства окажется достаточно сильной, а политика взвешенной, можно будет совершить скачок. Возможность образования новых империй – самый риторический вопрос в этом контексте развертывания истории. Однако одновременно с этим есть и обратная сторона медали – идея культурного многообразия предопределяет хаотичность нынешнего столетия, поскольку отсутствие доминанты идеологии в формировании и развитии государств не позволяет им должным образом закрепить свою

национальную идентичность. Это некая круговерть национальных государств и народов. В этом сила и слабость XXI столетия.

В веке настоящем идеология призвана играть несколько другую роль, менее существенную по статусу. На основе культурного осознания народов государств должна возникать четко выверенная идеология, которая предназначена закреплять символы и настраивать системную работу, а не воевать с другой системой и побеждать. Это означает, что голое настаивание на идеологическом концепте без наполненности культурным содержанием не приведет к осознанию специфики государства, не приведет к победам, поскольку на смену века противоборствующих идеологий крупных государств, пришел век культурного многообразия. Однако сложно сказать, что в настоящем все народы четко обозначили свою стержневую культуру, тем самым выработка национальных идентичностей продолжается.

Чего не хватает в осознании феномена диалога в настоящем?! Центрирования диалога как объективной необходимости в мире открытости и одновременно кризиса человеческой сущности, кризиса духа. Что это такое? Это способность выйти за рамки местечкового комфорта и попробовать определить стратегическую линию развития в контексте семьи, этноса, общества, государства, мира вообще. Диалог означает неизбежное признание наличия иной точки зрения, образа жизни, также имеющего право на существование в силу бесконечности, разнонаправленности и многоаспектности Вселенной. Но самое важное – осознание ценности другого (неважно более сильного или менее значимого) дает возможность не только понимания позиции иного, но и более глубокое осознание себя.

Вместе с тем, именно диалог несет в себе и позитивный заряд противопоставления себя другому: изначально человеку было необходимо посмотреть на другого человека для более тонкого понимания своего отличия. Эти свойства рождают инстинктивную близость между их носителями, оттого они и наиболее долговременны и устойчивы. Позитивная основа диалога заключается в том, что диалог предполагает не только противопоставление себя другому, но одновременно возможность и необходимость взаимодействия. В этом смысле диалог и есть необходимая составляющая общения.

В связи с тем, что доминантой в современном бытии стал политический разум, элементы политического стали внедряться во все сферы жизнедеятельности человека, порождая определенные извращения. К примеру, манипулирование религиозными чувствами в политике породило такой феномен, как религиозный терроризм и экстремизм. Поиск группы комфорта является одной из причин данного феномена. Выход – развитие на должном уровне традиционной культуры, что позволит сублимировать негативную энергию в позитивную.

Культура стала все более доминировать в мире человеческих отношений. В связи с этим прошла эпоха доминирования экономики, и наступила эпоха повсеместной культурной доминанты – в определении источников конфликтов, политических передраг и диссонансов, социальных противоречий. Возможно, именно поэтому и личность перестала стремиться к достижению некоего идеала, а предпочла амбивалентность, т.е. отражение в сознании противоречивых процессов универсума, т.е. самого мира. Возможно, именно поэтому возникло повсеместное обращение к архайке, к архетипическим предпосылкам человеческого сознания, когда возникала и начала формироваться стабильность в определении человеческой сущности. В поисках утраченных идеалов человек невольно возвращается к тому, откуда начинается его начальное развитие, где формируются системы культуры и религии. Этим и непредсказуема история, когда она встряхивает человеческое сознание зарвавшегося человека, спуская, а вернее вновь приводя его туда, откуда начинается его существо. Чем не парадокс самой истории человеческого существования?!

Идентичность: глобальный и региональный уровни. Проблемы идентичности в ракурсе современного бытия выступают на передний план осознания человеческой сущности, государственного строительства и вызовов истории. Культурная составляющая обнаруживает себя во всех видах идентичности, включая гражданскую и национальную, тем самым культура выступает детерминантой развития мира и отдельных государств и народов.

Отчего так важен вопрос «кто мы?»?! В контексте развития человечества, в потоке движения мысли происходят существенные изменения, в результате которых определяются вызовы времени.

Если еще в начале XX века был актуален вопрос «что?», рассматриваемый на протяжении многих столетий, соответственно на повестке дня в приоритетном положении стоял тезис о необходимости познания бытия, то уже к концу XX же столетия произошла смена основополагающих вопросов. Тем самым на повестку дня вышел вопрос «кто?» с акцентом на контекстность понимания, это означает приоритетность вопроса «кто мы?» по отношению к вопросу «Кто я?». Метафизический вопрос о «что?» сменился на политический вопрос «кто?», при этом, по мнению Р. Рорти, вопрос «Кто?» нацелен на будущее не в смысле предсказания, а в плане проекта. Вопросы «кто мы?» и «на что мы можем надеяться?» (в кантовской интерпретации) с неизбежностью приводят к определению смысла нашего существования, а это уже прерогатива ценности.

Под названием «Кто мы?» (в преломлении к Соединенным Штатам Америки) в начале двухтысячных выпустил книгу С. Хантингтон – один из самых обсуждаемых философов и политологов XX века, глубокий мыслитель и тонкий стратег, чьи идеи были не только приняты на вооружение в контексте мировой мысли, но главное, в определенной степени обуславливали тенденции развития огромной империи, позволяя нащупывать наиболее уязвимые места идеологии, да и самой системы, образа жизни государства в целом. Выбор названия был неслучаен, вызовы конца XX и начала XXI столетий побуждали заново определять свое место в этом мире, обозначая противоречия в развитии и тем самым предвосхищая направления будущего.

Сам посыл – поиск ответов на вызовы исторического времени, определение рисков и угроз для мира в целом, и огромной империи в частности, проецирует сложившуюся ситуацию: глобализация как современная тенденция развития бытия вытолкнула на повестку дня проблему идентичности во всех ее формах и во всех ипостасях, в первую очередь актуализировав феномен национального государства. Учитывая тот факт, что главными геополитическими единицами современного мира выступают государства, основное внимание при определении стратегий, выявлении конфликтов и решении проблем в контексте мира акцент ставится именно на государстве.

Однако учитывая тот факт, что что ни один народ, ни одно государство не в состоянии жить изолированно, знание тенденций

развития мира человека вооружает, а понимание их позволяет находить баланс в соотношении индивидуального и глобального. Разбожествление пространственных границ в результате коммуникационных технологий привело к формированию нового феномена мира. С одной стороны, мир, как никогда, стал един в смысле приближенности к понятию «общечеловеческая цивилизация»: единое пространство и единое время наполнились особым символическим смыслом, отсутствие границ виртуального пространства и высочайшие темпы времени сделали мир более хрупким, и оттого уязвимым. Внешние пределы развития человеческой цивилизации достигли беспрецедентной высоты и масштабов при безграничности внутренних пределов человеческого духа. Сформировалось единое мнемоническое, культурное пространство. Говоря словами К. Ясперса: «Мир замкнулся. Земной шар стал единым. Обнаруживаются новые опасности и возможности. Все существующие проблемы стали мировыми проблемами, ситуация – ситуацией всего человечества» [4, с. 141].

Возможности таковы, что в мире информационных технологий каждый человек, народ, государство способны приобщиться к достижениям цивилизации, тем самым ощущая свое единство и свою близость с этим миром. Однако именно эти информационно-коммуникационные технологии и рожают опасность: тиражирование достижений науки и культуры делают людей похожими, поскольку формируются единые стандарты. Тем самым поколение современников, подверженное этим стандартам, становится унифицированным. Это есть одновременно и достижение глобализации, и ее опасность для человечества. Муссируемый в эпоху глобализации космополитизм (Ф. Фукуяма) привел к обезличиванию безусловных ценностей. С одной стороны, единство мира и человека вообще мыслится высокой ступенью развития и определенной гармонии. С другой стороны, эта гармония иллюзорна, поскольку происходит обезличивание самого человека, который превращается в функцию: соблюдается некий набор стандартов, стереотипов и норм существования в едином мире, но при этом исчезает вдохновляющая на созидание и победы индивидуальность. Это ли не парадокс мира?! Хотя при всем при этом мир как был диалектичен, так и остался им и в эпоху прогресса и глобального разума. Как в этом случае расценивать

глобализацию? Как объективную тенденцию развития истории и человечества, разворачивающую систему пространственно-временных отношений, или как идеологическую интервенцию неолиберального глобализма?! На мой взгляд, имеет место быть элементы обоих смыслов. В любом случае игнорировать глобальный уровень не представляется возможным.

Что есть глобализация помимо воспринимаемого нами определения объективной тенденции развития человечества? Когда вплотную заговорили о глобализации? В последней четверти XX века. Преподнесение глобализации с ее универсальными ценностями в качестве объективной тенденции - следствие идеологии Запада, поскольку прагматизм, универсализм и признаваемый большинством некий абсолютизм либеральной демократии являются детищем Соединенных Штатов. Глобализация «зашагала» по планете с легкой руки западного рационализма. В этом видится победа данного идеологического проекта.

Если задуматься, глобализация как историческая тенденция движения человечества должна была уверенно длиться как минимум столетие, основанием чего выступает преемственность истории. Однако по прошествии немногим более четверти века заговорили о новой фазе развития – постглобализации. Отчего и почему? В рассуждениях о феномене глобализации необходимо понимать – да, глобализацию можно расценивать как объективную тенденцию развития человечества, учитывая возникновение международной глобальной сети (Интернета), и как следствие, разбожествление пространственных границ мира. Вместе с этим, глобализация, пропагандирующая философию космополитизма, общечеловеческие (универсальные) ценности и утилитарный взгляд на жизнь – это, несомненно, идеологическая концепция, явившаяся следствием западного рационализма.

Соответственно, современная стадия развития есть проекция процессов, которые были инициированы вызовом глобализации, т.е. это уже не сама глобализация, а ее логическое продолжение, получившее название постглобализации. Постглобализация как тенденция развития вобрала в себя изменения мира, включая преобразования каждой локальной системы культуры, общества и государства, соответственно это обновленный этап как результат разворачивания концепции единого мира. Что специфицирует

постглобализацию как результат реализации вызова глобализации, что спровоцировала глобализация в социальном разрезе существования человечества? Усиление процессов идентификации как противоположной глобализации тенденции развития, в результате мы имеем дело с многополярным миром, что является отражением объективной реальности. Одним из наиболее ярких процессов современного мира стал кризис идентичности, находящий свое проявление практически во всех формах, в особенности: гражданской, этнической, культурной, религиозной, политической, духовной. Глобализация как провозглашенная современная тенденция развития мира, ставящая целью достижение единства мира, привела к актуализации, в определенной степени взрыву процессов идентификации. Мир в настоящем представляет собой множество разрозненных процессов самоопределения и саморазвития, т.е. мы имеем «точечное» развитие мира.

В этой связи региональный уровень выступает связующим звеном в проекции соотношения глобального и национального, позволяя сглаживать вызовы и противоречия глобального мира. Регион представляет свой вариант преломления критериев глобальной культуры в существо определенной историко-территориальной, социальной, политической целостности. Тем самым регион обладает шансом обозначать свой голос на мировой политической арене. В контексте вызовов истории и ответов каждой систем регион занимает промежуточное положение, это некий мост, соединяющий два полюса. Именно регион призван сглаживать острые углы глобализации в желании нивелировать особенности культур и преподнести универсальные ценности в качестве наиболее функциональных для глобального бытия человека в этом мире. Ответ цивилизаций на вызовы истории связан с проблемой сохранения культурной идентичности. Региональный аспект позволяет суммировать национальные оттенки развития в контексте более высокой общности. Вместе с тем региональная идентичность проецирует единство региона, его целостность, возможность и способность оказывать влияние на течение многих мировых тенденций развития.

Одним из таких регионов, способных сгладить противоречия глобального мира и отдельной геополитической единицы, выступает Евразия, наиболее масштабный регион мира, который

по мнению философов и политологов, олицетворяет собой сердце мира. Тем самым евразийское пространство детерминирует определенные точки соприкосновения населяющих его государств. Вместе с тем, именно громадность территории обуславливает сосуществование субрегионов впечатляющего своей территориальной масштабностью региона Евразии. Евразийская идентичность включает в себя несколько проектов, одним из которых является Центральная Азия.

Регион Центральной Азии в проекции идентичности. Регион Центральной Азии до настоящего времени не воспользовался историческим шансом актуализации своей идентичности, на то были свои объективные и субъективные причины. Ответ цивилизаций связан с проблемой сохранения культурной идентичности. В этом смысле регион Центральной Азии проецирует проблемы человеческой судьбы в соответствии со своеобразием истории и культуры определенного географического пространства.

На мой взгляд, возникновение идеи центральноазиатской идентичности условно проходит в два этапа. Первый из них – это период определения региона Центральной Азии в основном внешними игроками, среди которых первыми выступили Соединенные Штаты с проектом «Большая Центральная Азия», который помимо среднеазиатских республик включал в себя еще и Афганистан. Это была исключительно американская фишка, продиктованная их национальными интересами, с акцентом на географический аспект. Пройденные два десятилетия показывают, что определение региональной идентичности Центральной Азии с подачи внешних игроков довольно безуспешно. Почему? Потому что инициации извне несут с собой другой, внешний взгляд на то, что должно сформироваться изнутри.

Четверть века после обретения суверенитета – приличный срок, период, реализовавший основную идею своего развития - независимость. Одновременно, это срок, когда получены определенные выводы от первых лет вожделенной, но достаточно сложной независимости, которые могут послужить толчком в отсчете нового этапа, по логике вещей более осознанного в действиях и осмысленного в необходимости не просто провоцирования идеи региональной идентичности, но и ее реализации.

Почему имеют смысл попытки определения центральноазиатской идентичности с акцентом на этапы? Потому что в рамках начального этапа, длившегося более двух десятилетий, эта идентичность была обозначена, но не была выработана. Объективным основанием такого утверждения являются хаотичные процессы определения национально-государственной идентичности, которые сопровождали не только центральноазиатские республики, но и все постсоветское пространство. Эта участь коснулась и одного из внешних игроков – Россию, которая также ушла в водоворот событий по определению собственной государственной идентичности. Из поля зрения России в первые годы после развала Союза, образования новых независимых государств и определения национальной демократии выпала Центральная Азия, о которой Россия вынуждена была вспомнить после определенных событий. Проблема построения сильного государства стала доминантой в этот период развития.

Процессы национально-государственного строительства сопровождались глубоким кризисом идентичности, затронувшим все формы – этническую, культурную, религиозную, гражданскую. Это выразилось в процессах дивергенции, которые не только затронули существо государства, но и пошли вглубь, порождая все новые и новые конфликтные ситуации. Тем самым кризис национально-государственной идентичности не позволял, не просто думать, но и вспоминать об идентичности региональной. Именно поэтому попытки даже изнутри каким-то образом обрисовать контуры региона не стали эффективными. В этой связи призывы президента Казахстана Н. Назарбаева о необходимости использования идеи Евразии в контексте региона не были услышаны. Все государства региона были настолько заняты собственным самоопределением, что подобные идеи тонули в общей атмосфере кризиса и противоречий. Несмотря на стратегическую важность этой идеи, она не могла быть реализована в период активных социальных катаклизмов внутри каждого государства региона. Интересы не пересекались, что не способствовало объединению. Идеи таких проектов, как ШОС и ОДКБ, так или иначе, захватывали региональную идентичность, однако в большей степени проекты были нацелены на решение проблем безопасности в более широком формате через призму все той же геополитики.

Это означает, что первая четверть века суверенитетов была ознаменована исключительно собственным самоопределением государств. Все без исключения республики настолько погрязли в своих противоречиях, что, во-первых, не оставалось сил на провоцирование идеи единства региона, во-вторых, многим из акторов не хватало дальновидности. Эту дальновидность начали проявлять внешние игроки, руководствуясь геополитическими интересами. Пока государства Центральной Азии в определении собственных интересов не могли понять, что развитие региональной идентичности – это хороший выход для всех стран региона, внешние игроки придумывали свои проекты в отношении Центральной Азии в надежде их реализовать. Наиболее часто употребляемой фишкой стала идея Великого Шелкового пути, которая не давала покоя, и возникло желание разыграть эту карту в провоцировании центральноазиатской идентичности. Именно поэтому географический аспект стал центральным в определении единства региона, кроме того, «присоединение» к Центральной Азии такой пороховой бочки, как Афганистан, позволяло определять рычаги воздействия на регион. Однако этот теоретический концепт не получил существенного результата на практике по многим причинам.

Почему сейчас с новой силой актуализируется идея центральноазиатской идентичности? Потому что переход глобализации в фазу постглобализации с усилением процессов дивергенции чреват бесконечными конфликтами на более глубоком уровне в рамках каждого государства. Потому что это есть свидетельство бодрствования инстинкта самосохранения: в контексте общности интересов региона выжить будет элементарно легче каждому отдельному государству. Региональная идентичность – более высокий уровень, нежели национально-государственный. Ответ на вызов истории в контексте глобализации сложнее дать отдельному государству и системе культуры, нежели региональной общности. Еще и потому, что одной из бесконечных проблем современности выступает религиозный экстремизм, который не просто имеет виды на регион Центральной Азии, но и имеет некоторые практические действия. Этой страшной силе по отдельности противостоять не представляется возможным.

Что надо иметь в виду, когда речь идет о региональной идентичности Центральной Азии?

Во-первых, способность сформировать единство внутри региона проявит уровень культуры и понимания каждого государства. Несмотря на общность исторических истоков, территориальной близости, общей социальной памяти и близости культурных ценностей, есть масса отличий, которые специфицируют побочные факторы региональной идентичности. Именно поэтому это и есть проявление уровня культуры мышления и общения.

Во-вторых, региональная идентичность Центральной Азии не может быть сформирована извне, с помощью внешних игроков. Скорее всего, такие проекты будут терпеть фиаско. Внешний взгляд на единство и территориальные границы региона не всегда совпадают с внутренней позицией, которая формируется из реальной жизни, изнутри региона. Отличие образа мышления как следствие проецирует различные механизмы формирования единства региона.

Заключение. Культура, формирующая образ эпохи, в современности проявляется как культура постмодерна. Соответственно на уровне мирового развития наблюдается смещение акцентов в понимании сути мира и самого человека. Некая неопределенность как характеристика культуры постмодерна находит свое отражение и в неопределенности системы безусловных ценностей. В этой связи выдвижение диалога в качестве парадигмы эпохи являет собой отражение инстинкта самосохранения, когда сосуществование культур, народов и государств предопределяет доминанту понимания себя в контексте понимания другого. В этом случае становится возможным перевод конфликта во взаимопонимание.

Культура современной Центральной Азии неслучайно обнаруживает всплеск одного из архетипов – кочевой культуры. Это связано с необходимостью обрести мотивацию к обновлению через обращение к своим культурным истокам. Имеет смысл обратить внимание на это в эпоху противоречий и кризиса духа. Обращение к архетипам – один из вариантов обретения утраченного смысла бытия. В этой связи необходимо подчеркнуть, что если в проекции мира вообще на сегодняшний день необходимо центрирование диалога; на уровне региона актуально

обновление региональной идентичности, а на уровне отдельного государства жизненно необходима выработка и продвижение культурных символов.

Литература

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ: Астрель, 2011.
2. Библер В. С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI век. М.: Политиздат, 1991.
3. Тоффлер А. Третья волна. М.: АСТ, 2009.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.